

СЕНТЯБРЬ

Этот день ни на что не меняй,
Ни мгновения не упусти,
Рощу рыжую, солнце, меня
Уноси осторожно в горсти.

Воздух плотен и свеж, просто режь
На ломти́ — и вдыхай, и глотай!
Листопадом и облаком — меж —
Пролетай, мой сентябрь, пролетай...

На серебряной нити-струне
Пролетай, паучок-пилигрим,
Пролетай по родной стороне...
Мы с тобой — над тобой воспарим!

Рядом — кладбище. Память и тлен.
Только синь в вышине — как во сне.
Моя роща — в руне до колен,
Высшей пробы — червонном руне.

Моя речка течёт — навсегда.
Моя церковь стоит — на века.
Моя роща шумна, молода.
И сентябрь. И глаза. И рука.

В СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

По свежевымытому полу
Пройду, как дома, босиком.
Глаза, опущенные долу,
Синеют сдержанно с икон.

Вот райский сад сияет слева.
А в нём, предвидя Божий гнев,
В немом испуге смотрит Ева,
Ладони к яблоку воздев.

А та, под тёмным покрывалом, —
Что ей понятно впереди?
Скорбит над сыном годовалым,
Прижатым бережно к груди.

Зачем грядущие события
Им открывал тревожный взор?
Зачем ненужный дар наитья
Завещан женщине с тех пор?

Нас двойка “пик” не беспокоит.
Забыты сонники теперь,
Но знает каждая, как поет
Душа в предчувствии потерь.

И на земле, не на иконе,
Порой гнетёт нас тот же страх,
Как эту — с яблоком в ладони,
И Ту — с Младенцем на руках.

ТВОИ РУКИ

Всё, чего ты касалась, ещё не успело истлеть:
Где-то чашки томятся, из коих мне пить привелось,
Те кастрюльки, в которых нехитрая пряталась едешь,
Кем-то прибраны тоже — в хозяйстве сгодятся небось.

Даже мебель, что явно соседи на казнь обрекли,
Всё жива, хоть на свалку заброшена горькой судьбой.
По сезону то мёрзнут под снегом, то чахнут в пыли
Твои венские стулья и столик старинный с резьбой.

Даже сотни открыток — тропических бабочек рой —
По альбомам забытым свои распластали крыла...
И хозяйева, на антресоль забираясь порой,
Всё грозятся их выкинуть, да отвлекают дела...

Твои руки, что мыли кастрюльки и мебель тряпьем
Протирали усердно, исчезли бесследно во мгле...
Всё, что было уютом в том доме последнем твоём,
Растащили, забрали. И дома-то нет на земле.

Но те руки, что кошке кормили и чьих-то детей,
Те, что ветку сирени держали, как в храме свечу,
Что давали взаймы без отдачи — легко, без затей, —
Эти руки остались. Останутся. Я так хочу.

МОЙ КОВЧЕГ

Ваш дом, как положено, крепость?
Ваш флаг — это банковский чек?
А мой — вот абсурд и нелепость —
А мой — это Ноев ковчег.

Как в дом мой питомцы попали?
Приходят, меня не спросясь.
Живут — всякой твари по паре, —
Тучнея, ветвясь, колосясь.

Мурлыкают, свищут и лают,
И просто молчат за стеклом,
И щедро меня оделяют
Своим неподкупным теплом.

Ещё — прорастают неспешно,
Готовя зелёный салют.
Беспечно, бездумно, безгрешно —
Живут, умирают, живут...

И в роли библейского Ноя
Я чувствую некую суть:
То братство наивно-смешное
И мне не даёт утонуть.

Зияет пучина немая...
А я всё держусь на плаву
И, весь свой ковчег обнимая,
Живу. Умираю. Живу.